

У истоков отечественной науки

От редакции

Предлагаемые вниманию читателей статьи по истории географии в петровскую эпоху объединяет ряд общих моментов. Торжества по случаю 275-летнего юбилея Российской академии наук, проходившие этим летом на самом высоком уровне, вновь поднимают вопросы как о роли отечественной фундаментальной науки в государстве и обществе, так и о предыстории создания Академии наук, о тех социокультурных основаниях, которые сформировались в стране в ходе петровских реформ и которые только в самом конце этого динамичного царствования позволили развиваться «чистой» фундаментальной науке и соответствующим ей общественным институтам. Обе публикуемые ниже статьи объединяет внимание к социальному и политическому контексту формирования географии, и в этом смысле они будут интересны самому широкому кругу историков науки.

Российская географическая наука XVIII в. вырастает из «географической практики». Под этим понимается широкий спектр географической, по существу, деятельности, которая организационно выходит за рамки «нормальной науки» в куновском смысле. Само это понятие введено крупнейшим английским историком географии Д. Ливингстоном (*Livingstone, The Geographical Tradition, 1992*). Д. Шоу использует разработанный Ливингстоном подход, рассматривая российскую географию как набор социально детерминированных географических практик. Географические и картографические исследования в России XVIII в. предпринимались в самых различных целях морскими офицерами, военными, государственными деятелями, дипломатами, землеустроителями, миссионерами... В значительной степени эта традиция присуща и современной отечественной географии, причем Россия не является исключением: западноевропейская география, по словам Ливингстона, точно так же носит характер «практической науки». Этим география существенно отличается от других дисциплин, в которых процесс получения результатов и их интерпретация происходят внутри научного сообщества, по правилам «нормальной науки». Изучение географических практик в контексте социальной истории существенно расширяет традиционную тематику историков географии, позволяет рассматривать влияние государственных и общественных приоритетов на ученых и научные исследования.

Показано, что именно «географические практики» стали основой для последующего развития фундаментальной академической науки. Это демонстрирует общий ход интродукции западной науки в России, влияние практических потребностей военного и государственного строительства, промышленности на петровские реформы и на развитие науки. Будучи первоначально утилитарным средством проведения сугубо практических преобразований, наука становится самостоятельным государственным институтом, проходит стадию институализации, задачи ученых все чаще диктуются не практическими задачами правительства, а внутренней логикой исследования. Поэтому изучая историю российской географии XVIII в., нельзя пройти мимо

таких «прообразов» Академии наук, каким была, к примеру, Морская академия, учрежденная для подготовки кадров Военно-морского флота и оказавшая неизмеримо большое влияние на развитие академической географии XVIII в.

Различные виды географической практики были тем фундаментом, который позволил принципиально повысить эффективность управления государством, обеспечить административный контроль над территориями, планирование и ведение военных действий, создание и снабжение флота. Географическая деятельность служила геополитическим целям правительства, задачам колонизации территорий, наконец, использовалась для повышения престижа и авторитета правительства и монарха, пропаганды реформ и могущества страны. По необходимости географическая деятельность в России, практическая и фундаментальная, была и остается тесно связанной прежде всего с начинаниями и проектами государства. Это отличает Россию от Западной Европы, в которой общественные институты — торговые компании, местные общины, поместное дворянство, ученые круги, церковь и др. — играли более значительную роль. И российская наука в целом была теснее связана с интересами государства и правящей элиты, будучи ее «мозговым центром». В авторитарном государстве это автоматически давало науке высочайший социальный статус, но одновременно препятствовало развитию интеллектуальной жизни, неподконтрольной государству. Представляется, что длительный процесс реформирования отечественной науки будет связан, конечно, с сохранением государственной поддержки науки и культуры, но и с постепенным выходом ее из тотальной зависимости от государства по мере формирования (хотелось бы!) полноценной общественной жизни, гражданского общества и системы демократических общественных институций, среди которых займет свое достойное место российское «ученое сословие».

Д. ШОУ (Великобритания)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ЭПОХУ РЕФОРМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО¹

В последние годы возрастает интерес к истории географических идей². В отличие от прошлых лет современная англо-американская литература делает акцент на социальном и политическом контексте, в котором менялась географическая мысль, и рассматривает такие изменения как результат профессиональных, социальных и политических взаимодействий в той же степени, как и интеллектуальных.

¹ Перевод статьи: *Shaw Denis J. B. Geographical practice and its significance in Peter the Great's Russia // Journal of Historical Geography. 1996. Vol. 22. № 2. P. 160–176.* Печатается с любезного разрешения издательства Academic Press Limited.

² Основной материал содержится в периодических изданиях. Есть полезная библиография в работе: *Livingstone D. N. The Geographical Tradition. Oxford, 1992.* Современный анализ истории российских географических идей в: *Mazurkiewicz L. Human Geography in Eastern Europe and the Former Soviet Union. London, 1992.*



Д. Шоу в ИИЕТ РАН. 10 апреля 1997 г.
 Слева направо: Д. Шоу, В. А. Есаков, А. В. Постников, В. К. Рахилин, Э. Г. Истомина.
 Фото А. Э. Каримова

Например, в области влияния политики на географию выделяются такие вопросы, как империализм, геополитика, национализм, расизм и энвайронментализм³. Велик интерес к взаимосвязи географии и государственного строительства, особенно в период активного государственного строительства в Европе в начале Нового времени⁴. Основная часть этой работы проделана не географами⁵. Интересные работы посвящены подъему региональной географии, или «хорографии», вместе с картографией стимулировавшей процесс национальной идентифика-

3 Например, *Geography and Empire* / Ed. N. Smith and A. Godlewska. Oxford, 1994; *Parker G. Western Geopolitical Thought in the Twentieth Century*. London, 1985; *Blaut J. M. The National Question*. London, 1987; *Bassin M. Race contra space: the conflict between German Geopolitik and National Socialism* // *Political Geography Quarterly*. 1987. N 6. P. 115–134; *Livingstone D. The moral discourse of climate: historical considerations on race, place and virtue* // *Journal of Historical Geography*. 1991. N 17. P. 413–434.

4 Для более подробного знакомства с историей государственного строительства в Европе см., например, *Anderson J. The Rise of the Modern State*. Brighton, 1986; *Shennan J. H. The Origins of the Modern European State 1450–1725*. London, 1974; *Strayer J. H. On the Medieval Origins of the Modern State*. Princeton, 1970; *The Formation of Nation States in Western Europe* / Ed. C. Tilly. Princeton, 1975; *Poggi G. The Development of Modern State*. London, 1978.

5 *Cormack L. B. «Good fences make good neighbors»: geography as self-definition in early modern England* // *Isis*. 1991. N 82. P. 639–661; *Idem. The fashioning of an empire: geography and the state in Elizabethan England* // *Geography and Empire*. Op. cit. P. 15–30; *Helgerson R. Forms of Nationhood: The Elizabethan Writing of England*. Chicago, 1992. Скоро в «*Annals of Science*» выйдет работа *Withers C. J. W. Geography, science and national identity in early modern Britain: the case of Scotland and the work of Sir Robert Sibbald (1641–1722)*.

ции⁶ и вдохновлявшейся этим сама. Расширение заокеанских владений также рассматривалось с точки зрения экономического, политического и интеллектуально-го влияния в метрополии. «Политическая арифметика», земельные съемки и картографирование — жизненно важные рычаги умиротворения, упорядочения и оживления деятельности государства⁷. К сожалению, в англоязычной литературе слабо представлены аналогичные темы по континентальной Европе, и важные отличия (происходящие, например, от иного характера государства, особенно в Центральной и Восточной Европе) остаются неизученными⁸.

Цель нашей работы — исследование характера и развития географической деятельности в петровской России (1682–1725) и ее значения для реформ. Географические практики в петровской России рассматривались рядом российских ученых прошлого и настоящего⁹. Однако они придерживались традиционного подхода, оценивая внутреннюю логику развития географии вне связи с социальным и политическим фоном. Часть советских ученых, исследуя узконациональные вопросы, уделяет мало внимания международному контексту формирования российских географических интересов¹⁰. Эта статья имеет целью исследовать аспекты, которые до настоящего времени оставались без внимания.

6 Helgerson R. Op. cit.; Idem. The land speaks: cartography, chorography and subversion in Renaissance England // *Representations*. 1986. N 16. P. 50–85; *Mendyck S.* Early British chorography // *The Sixteenth Century Journal*. XVII. N 4. P. 459–481; *Idem.* *Speculum Britanniae: Regional Study, Antiquarianism and Science in Britain to 1700*. Toronto, 1989.

7 *Geography and Empire*. Oxford, 1994; *Livingstone D.* Op. cit. P. 32–62, 88–97, 142–149; *Buck P.* Seventeenth century political arithmetic: civil strife and vital statistics // *Isis*. 1977. N 68. P. 67–84; *Aspromourgos T.* Political economy and the social division of labor: the economics of Sir William Petty // *Scottish Journal of Political Economy*. 1986. 33. N 1. P. 28–45; *Mykkanen J.* «To metodise and regulate them»: William Petty's governmental science of statistics // *History of the Human Sciences*. 1994. Vol. 7. N 3. P. 65–88.

8 Относительно европейского континента см.: *Broc N.* *La Géographie des Philosophes: Géographes et Voyageurs Français au XVIII^e Siècle*. Strasbourg, 1974; *Idem.* *La Géographie de la Renaissance*. Paris, 1980; *Konvitz J. W.* *Cartography in France, 1660–1848: Science, Engineering and Statecraft*. Chicago, 1987; *Schwarz G.* *Die Entwicklung der geographischen Wissenschaft seit dem 18^e Jahrhundert*. Berlin, 1948; *Beck H.* *Geographie: Europäische Entwicklung in Texten und Erläuterungen*. Munich, 1973; *Zur Entwicklung der Geographie vom Mittelalter bis zu Carl Ritter* // Ed. M. Buttner. Paderborn, 1982; *Strauss G.* *Sixteenth Century Germany: Its Topography and Topographers*. Madison, 1959. Комментарии по различиям между Великобританией и континентальными странами в первой половине XIX века: *Porter B.* *Britain, Europe and the World, 1850–1986*. London, 1987. P. 5–8; *Canadine D.* The context, performance and meaning of ritual: the British monarchy and the «Invention of Tradition», 1820–1977 // *The Invention of Tradition* / Eds. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 113–114; *Raeff M.* *Well-ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia*. New Haven, 1983. P. 255.

9 *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.-Л., 1950; *Александровская О. А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М., 1989; *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946; *Саушкин Ю. Г.* Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. М., 1977; *Никитин Н. П.* Зарождение экономической географии в России: Обзор материалов XVIII века // *Вопросы географии*. 1950. N17. С. 43–104; *Baer K. E.* *von Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse*. СПб, 1872; *Вопросы географии петровского времени* / Ред. М. И. Белов. Л., 1975; *A Short History of Geographical Science in the Soviet Union* / Ред. И. П. Герасимов. М., 1976.

10 Это особенно справедливо относительно сталинской эпохи. Современные авторы склонны уделять больше внимания международному контексту, но детального обсуждения связей между географической деятельностью и более общим контекстом все еще не хватает.

Прежде всего остановимся на содержании термина «география» в этот период. Это очевидная проблема для эпохи, предшествующей появлению профессиональных географов, географических исследовательских и учебных институтов. Это особая проблема для петровской России, где не было традиции географических описаний¹¹ и единственная общепринятая «теория» происходила от средневековой космологии. В петровской России, как и в других европейских странах того времени, термин «география» употреблялся для исследований деятельности, связанных с математической и астрономической сторонами предмета, включая картографию, навигацию и топографию¹². Но нам, с учетом последующего развития географии, необходимо охватить другие виды деятельности: региональные съемки и статистику, и географические исследования, в центре которых — территория и пространство. Это можно сделать двояко. Рассмотреть деятельность, относящуюся и к другим дисциплинам — таким, как статистика, демография, экономические науки и история, что вполне оправдано для периода, предшествующего появлению отдельных дисциплин. Или сосредоточиться на практической деятельности в большей степени, чем на интеллектуальной. В петровской России практическое было преобладающим, но сформировало базис для возникших позже теоретических интересов. В этом Россия не была уникальной. Как писал Д. Ливингстон относительно европейской географии в общем смысле:

Факт, что география всегда была практической наукой — это основное в ее истории, тем более что триумфальная победа опыта над авторитетом рассматривается как основная причина появления экспериментальной науки на Западе¹³.

Правление Петра Великого было точкой кардинального поворота в российской истории, когда страна, долго закрытая от мира, наконец подверглась влиянию идей Ренессанса и Великой научной революции. Основываясь на достижениях своего отца, Петр принял всеобъемлющую модернизацию¹⁴ своего государства, чтобы превратить его в европейскую державу. В работе показано, что география играла фундаментальную роль в попытке этой трансформации.

Петровская Россия: контекст петровских реформ

Петр Великий был человеком действия. Его географические начинания вытекали скорее из практических потребностей, чем из кабинетного теоретизирования. Чтобы понять эти инициативы, мы должны знать их социальный и политический контекст.

Россия, где Петр Великий родился в 1672 г., была государством, «закрытым» от мира и относившимся к нему с глубоким подозрением. Это объясняется несколькими особенностями: географическим положением России на восточной окраине Ев-

11 Существовавшая (и весьма развитая) практика описания земель в «писцовых книгах» имела узкую практическую задачу переписи феодальных владений. — *Прим. перев.*

12 Согласно Лебедеву, термин «география» вошел в употребление в России только при Петре. До этого использовался термин «землеописание» (*Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 332*).

13 *Livingstone D. Op. cit. P. 33.*

14 Автор не придерживается какой-либо теории модернизации и не утверждает, что Петр был движим ясно определенной идеологией. Как пишет Левиттер, «Не пытаясь дать точное определение прогрессивности, согласимся, что существенными аспектами менталитета Петра Великого были желание совершенствования, склонность к новизне, склад ума, который был бы передовым в любом поколении или эпохе» (*Lewitter L. R. Peter the Great and the modern world // Russia and Europe / Ed. P. Dukes. London, 1991. P. 92*).

ропы, трудностями выхода к морю, вековым господством монголо-татар. Самым важным, вероятно, был религиозный фактор. Православие, нетерпимое и фанатичное из-за близости к окраине христианской Европы, и ощущение собственной уникальности после падения Константинополя в 1453 г. закрыли двери для идей европейского Ренессанса и Великой научной революции. В XVII в. общепринятым авторитетом по вопросам теологии, науки, философии и др. был автор VIII в. Иоанн Дамаскин. Труды Св. Василия, написанные в IV в., такие, как «Гексамерон», трактат о шести днях творения, восходящий к Аристотелю и Плинию, и «Христианская топография» Козьмы Индикоплова (VI в.), также считались заслуживающими доверия¹⁵. Те, кто открыто возражал им или пропагандировал иностранные идеи, могли быть осуждены за ересь. Свобода иностранцев в России была ограничена. Иностранцы в Москве должны были жить в особом поселении — Немецкой слободе, за городом.

Современные работы рассматривают реформы Петра как продолжение более ранних тенденций. Торговые контакты России расширились с XVI в., иностранные купцы, военные и др. жили там уже с того времени. Династия Романовых создала отсталость России и стремилась изучать иностранный опыт. Попытка отца Петра — Алексея (правил в 1645–1676 гг.) захватить в 1656 г. Ригу считается точкой поворота России к Западу¹⁶. Присоединение Украины в 1650-х гг. открывало Россию для западной философии и католической традиции преподавания. Группа аристократов и государственных деятелей еще до Петра выступала за реформы и внедрение в России западных идей. В нее входили аристократ Борис Морозов, дипломат А. Л. Ордин-Нащокин и В. В. Голицын, государственный деятель, возлюбленный царевны Софьи. Но Россия не воспринимала влияние Запада. Такие имена, как Коперник, Кеплер и Галилей, едва ли были известны до Петра¹⁷.

Ввиду самовластного и крайне персонифицированного характера правления в этот период представление о личности и кругозоре царя очень важно для понимания событий. Личность и жизнь Петра тщательно изучены, и мы можем отметить лишь несколько значимых моментов¹⁸. Политические смуты вынуждали царя проводить много времени вдали от двора, и он сблизился с обитателями Немецкой слободы. Швейцарец Франц Лефорт и шотландец Патрик Гордон открывали Петру европейский мир, чуждый для большинства русских. Образование Петра было преимущественно религиозным. До конца своих дней он оставался сугубо практическим человеком, ограниченно воспринимавшим абстрактные идеи. Но влияние иностранных друзей и другие западные веяния толкали царя на все более нестандартные мысли и поступки. Петр мог относительно свободно предаваться плаванью под парусом, кораблестроению, маневрам. Как правитель он мог позво-

15 *St. Basil. Hexaameron // Patriologiae Cursus Completus — Series Graeca* (1857–1912). Vol. XXIX / Ed. J. P. Migne; *Cosmas Indicopleustes. Christiana Topographia*. Paris, 1968–1974. 3 vols.

16 *Longworth P. Tsar Alexis goes to war // Russia and Europe*. Op. cit. P. 48–58.

17 Первые указания на существование Нового Света могли попасть в Россию из работ Максима Грека, который жил в Москве с 1518 г., экспедиции Колумба и Веспуччи описаны в работе М. Биельского (см. прим. 20), переведенной на русский язык в 1584 г. Гелиоцентрическая теория Коперника получила некоторое влияние благодаря русскому переводу *Atlas Novus* с 1650-х гг., но она не была широко известна до петровского времени.

18 *Anderson M. S. Peter the Great*. London, 1978; *Sumner B. N. Peter the Great and the Emergence of Russia*. London, 1950; *Peter the Great Transforms Russia / Ed. J. Sacraft*. 1991; *Wittram R. Peter the Great, Czar und Kaiser*. Göttingen, 1964; *Anisimov E. The Reforms of Peter the Great*. Armonk, 1993.

лить себе эти детские увлечения. Петр стремился получать знания из первых рук и практиковаться в ремеслах. Наверное, самой впечатляющей иллюстрацией служат его путешествия за границу, особенно знаменитое «Великое Посольство» в Голландию и Англию в 1697–1698 гг., когда он работал как кораблестроитель и ремесленник. Там царь встречался с учеными, специалистами, практиками, некоторых он пригласил работать в России. Со временем, помимо узкопрактических дел, на него все больше влияли общие идеи современности. Его политика модернизации России становилась все честолюбивей и приобретала все больший размах.

Почти наверняка Петр не имел определенной идеологии типа хорошо составленной концепции «вестернизации». Царь был, конечно, поражен благосостоянием и явным могуществом стран, которые он посетил, но, по меньшей мере вначале, его реформы вытекали из насущных требований ведения войны. Особенно важны в этом смысле были войны с Турцией (1695–1700, 1710–1711), Северная война со Швецией (1700–1721) и война с Персией (1722–1723). То, что началось как серия мер *ad hoc*, волею обстоятельств стало толчком к трансформированию государства. Шаг за шагом реформа армии начала захватывать финансы, рекрутскую систему, снабжение оружием и снаряжением, правительственную сферу. Эти шаги были связаны с экономикой, общественной и культурной жизнью. Создается впечатление, особенно к концу царствования, что реформы были спланированы на основе внимательного анализа европейских моделей, особенно северных и западных стран, поразивших Петра своими военными, техническими и культурными достижениями. Но даже ранее Петр продемонстрировал свой европеизм в таких «символических» преобразованиях, как реформа одежды, календаря и планирование на Балтике своей новой столицы. Марк Раев определил цель Петра: «модернизировать, европеизировать российскую правящую элиту»¹⁹. Иными словами, это не было внедрением европейского общества в России. В действительности петровская политика в чем-то увеличила пропасть между Европой и Россией, например усилением крепостного права и введением строгих форм государственной службы для дворянства. Кажется, Петр хотел «современного» государства, которое тем самым стало бы сильным государством. Но его концепция «современности» успешно исключала большинство подданных.

Русские географические знания до Петра были зачаточными. Несколько западных космографий было переведено в XVI в.²⁰, а среди переводов XVII в. были знаменитые работы Ортелия, Меркатора, В. и Я. Блау²¹. Однако большинство оставалось в рукописях из-за строгого церковного контроля книгоиздания. К XVI в. Московское государство начало составлять описания своих территорий, было положено начало картографированию²². К концу этого периода появляются гео-

19 Raeff M. Op. cit. P. 199.

20 Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.-Л., 1949. С. 208–216; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XVI–XVII веков. СПб, 1903. С. 47. Переводные работы включали: Pomponius Mela. De Situ Orbis. Paris, 1883; Kronika Polska M. Bielskiego. Craców, 1597.

21 Ortelius A. Theatrum Orbis Terrarum. Antwerp, 1570; Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura. Düsseldorf, 1595; Blaeu W., Blaeu J. Theatrum orbis Terrarum, sive Atlas Novus. Amsterdam, 1641.

22 Рыбаков Б. А. Русские карты Московии. М., 1974; Книга к Большому чертежу / Ред. К. Н. Сербина. М.-Л., 1950; Bagrow L. Op. cit.; Polevoi B. P. Concerning the origins of the maps of Russia of 1613–1614 of Hessel Gerritsz // New Perspectives on Muscovite History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate 1990 / Ed. L. Hughes. London, 1993. P. 14–21; Urness C. Rybakov on the Delisle map of 1706. Ibid. P. 24–34.

графические описания, в основном недавно приобретенных территорий к востоку от Урала и прилегающим частям Азии²³, составленные как русскими, так и иностранцами, живущими в России.

Допетровская Россия не испытывала недостатка в географической информации. Но она была весьма несистематизированной, случайной, рукописной, использовалась ограниченно, лишь официальными кругами. Качество карт и другой информации оставляло желать лучшего, особенно в сравнении с европейскими достижениями. Это делало неоднородным фундамент реформ, которые Петр Великий начал в середине 1690-х гг.

Географическая деятельность в петровской России

Петр Великий был полон решимости использовать свою авторитарную власть, чтобы изменить Россию вопреки сопротивлению большинства подданных. География для этой трансформации была необходима. Ниже будут рассмотрены шесть видов географической деятельности: топографические и картографические съемки, образование, издательская деятельность, экспедиционная работа и географические описания. Как уже отмечалось, большинство начинаний по своей направленности были практическими, но заложили основы для теории, которая в послепетровский период постепенно выдвинулась на первый план.

Нет сомнения, что именно практический интерес Петра к военным делам и его рвение учиться у иностранцев заставили его рано осознать значение топографии и картографии для мореплавания и военных действий. Россия имела опыт изготовления карт, но они были грубы и неаккуратны с точки зрения стандартов того времени. Их совершенствование затруднялось недостатком обученных топографов и геодезистов. Чтобы преодолеть эту проблему, Петр привлекал тех немногих специалистов, которые были тогда в России, набирал иностранцев со знанием и опытом и обучал новых специалистов. Уже в турецкой кампании топографы картировали осадные работы и укрепления вокруг турецкого форта Азов. Петр организовал съемку Дона для нового флота, который он строил в Воронеже. Одним из первых плодов этой работы была карта Южной России и прилегающих территорий, подготовленная математиком Яковом Брюсом, российским подданным шотландского происхождения, и топографом Менгденом. Карта издана Тессингом в Амстердаме в 1699 г. Вероятно, это первая изданная русская карта²⁴. Исследования течения Дона и побережья Азовского моря продолжались в начале следующего столетия. Есть свидетельства, что царь лично участвовал в некоторых из них²⁵. Один из картографических памятников этого периода — Атлас Дона, изданный в Амстердаме около 1705 г.²⁶ Он носит имя датчанина, солдата и топографа Корне-

23 Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.-Л., 1949. С. 196–216; Bagrow L. Op. cit. P. 19–46. К достижениям этого периода относятся: карта Сибири Годунова (1667), карта и описание земли сибирской (1672), «История Сибири» Юрия Крижанича и картографическая работа Ремизовых. Но, похоже, работа Крижанича еще долгое время не была известна в России.

24 Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.-Л., 1950. С. 183–189; Bagrow L. Op. cit. P. 98–100.

25 Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 24, 200–201; Bagrow L. Op. cit. P. 100.

26 Согласно Багрову, атлас отпечатан Донкером в Амстердаме около 1705 г. Русское заглавие: «Новая Чертежная Книга, содержащая великую реку Дон или Танаис» (Bagrow L. Op. cit. P. 102, 124 примечание 10).

лиуса Крюйса, который был принят на службу Петром в Амстердаме во время его Великого Посольства.

Когда после 1700 г. царь обратил свой взгляд к Швеции и Балтике, топографические и картографические работы приняли новое направление. Северная война стимулировала съемку Балтийского побережья, картографирование морей и прилегающих территорий. Заметными достижениями были морской атлас Балтики (1714), общий атлас Балтийского моря (1719–1723) и картографирование завоеванных у Швеции территорий, в том числе Петербурга. Помимо упрощения передвижения русских армий и судов и облегчения административного управления, эти работы подтверждали в дальнейшем российские притязания на эти территории. То же относится к петровским попыткам картографирования Каспийского моря, начавшегося в 1699 г. и продолжившегося после правления Петра.

Со временем необходимость изменений стала явной, потребность в точных картах переросла чисто военные и флотские запросы. Топография и картография были частью многих строительных проектов Петра — таких, как строительство дорог и каналов, металлургических заводов на Урале, и особенно строительство Петербурга. Петр внедрил в России новые принципы городской планировки и архитектуры. Изменения границ и более строгие стандарты демаркации заставляли уделять больше внимания съемке границ: турецкой в 1704–1705, шведской в 1722 г. и китайской — вскоре после смерти Петра. Петр осознавал, что для растущих потребностей государства требуется полная географическая съемка России. Этому способствовали встреча царя со знаменитым картографом Гийомом Делилем в Париже в 1717 г., переписка с Лейбницем, рост числа подготовленных геодезистов. В 1715 г. Петр распорядился направить по два геодезиста в каждую губернию для составления генеральной карты. Исчерпывающий указ Сената вышел в декабре 1721 г., за ним последовали детальные инструкции геодезистам, написанные самим царем²⁷. Однако работа продвигалась медленно, к концу царствования Петра Сенат получил карты только 15% территории России. Завершенный плод этих усилий появился лишь несколько лет спустя в первом русском атласе И. К. Кирилова в 1734 г.²⁸

Петровская политика реформ зависела от наличия специалистов в различных областях — от мореплавания, кораблестроения и металлургии до картографии и горного дела. Поэтому царю требовались институты, дающие соответствующую подготовку. Одним из таких институтов была Школа математических и навигацких наук, основанная в Москве в 1701 г.²⁹ Основным наставником там был шотландский математик Генри Фарварсон, который вместе с англичанами Стефеном Гвином и Ричардом Грайсом преподавал математику, навигацию, фортификацию, астрономию, географию и геодезию. Среди выпускников были геодезисты, которые работали под руководством Фарварсона и Гвина на топографических съемках трассы дороги из Москвы в Петербург в 1707–1708 гг.³⁰ С 1710 г. школа

27 Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 204.

28 Многие другие европейские страны к этому времени уже нанесли на карту свои территории, но в петровское время французы опережали всех в правильном картографировании благодаря своей национальной геодезической съемке, организованной Кассини. См.: *Konvitz*. Op. cit.

29 *Hans N. The Moscow School of Mathematics and Navigation // Slavonic and East European Review*. 1950–1951. N 29. P. 532–536. Согласно этому автору, Петр создал школу по образу Королевской математической школы Госпиталя Христа в Лондоне, с идентичной программой (включая географию).

30 *Александровская О. А.* Указ. соч. С. 142.

получила статус высшей, но утратила его при основании в 1715 г. Морской академии в Петербурге. Фарварсон и Гвин были переведены в новый институт, созданный для подготовки выпускников более высокого уровня. Учебные предметы включали чтение и письмо (где необходимо), арифметику и геометрию, ружейные упражнения, фехтование и черчение³¹. Следует также упомянуть о других основанных Петром специализированных школах, включавших артиллерийскую школу в Москве, два инженерных училища, медицинские школы и два горных училища. Согласно О. А. Александровской³², курсы географии (включая элементы математической географии, чтение карты и вводное изучение карт мира) изучались во всех петровских специализированных школах. Менее понятно, много ли географических знаний давали в других школах, развиваемых и поощряемых Петром, а именно местных цифирных (математических), гарнизонных и приходских. Важно, что значительное количество русской молодежи во время правления Петра было отправлено за границу для получения образования³³. Это сильно способствовало распространению в России научных идей, а также разнообразных практических знаний.

Петровское образование увеличило потребность в соответствующей литературе. В это время российскими авторами было выполнено очень немного работ по географии России и зарубежных территорий, но эта деятельность начала приносить большие плоды уже после смерти Петра. Во время его царствования усилия были направлены более на перевод иностранной литературы. В начале XVIII в. был сделан перевод книги Ф. Клювера «Введение во всю географию», первоначально вышедшей в 1624 г. и считавшейся в Европе образцовой почти до конца XVII в.³⁴ Также были сделаны переводы Олеария о путешествиях в Россию и Персию, многочисленных работ по математической географии и описаний иностранных земель (что примечательно, противников России — Турции и Швеции). Кроме того, было переработано несколько космографий XVII в. Но большая часть этих материалов осталась неопубликованной³⁵.

Более значительными были усилия Петра по распространению знания при помощи печатного слова. Его курс на упрощение алфавита и литературного языка оказался решающим. Русское издательское дело XVII в. ограничивалось главным образом выпуском религиозной литературы. Обновление началось в 1697–1698 гг., когда царь во время своего визита в Амстердам договорился с датским печатником Яном Тессингом об учреждении русской типографии для издания карт и произведений светской литературы, среди которых была и карта Южной России Менгдена — Брюса, упомянутая выше. Всего через несколько лет в самой России было открыто несколько светских типографий, из которых наиболее значительная — московская типография В. О. Киприанова, выпускника Школы математических и навигацких наук, работавшего под покровительством Якова Брюса. Она быстро стала ведущим центром по выпуску карт и географических материалов. Другие типографии тоже активно печатали географические издания. В 1710 г. появился первый учебник географии, названный «География»³⁶. Другими значительными пуб-

31 *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism 1613–1801. London, 1982. P. 93.

32 *Александровская О. А.* Указ. соч. С. 142. Различные источники дают разные даты основания этих школ, несомненно, из-за трудностей в их организации.

33 *Okenfuss M. J.* Russian students in Europe in the age of Peter the Great // *The Eighteenth Century in Russia* / Ed. J. G. Garrard. Oxford, 1973. P. 133–145.

34 *Chuverius (Cluver) P.* Introductio in Universam Geographiam. Amsterdam, 1624.

35 *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. С. 333–336.

36 География, или Краткое земного круга описание. СПб, 1710.

ликациями были переводы «Космотеорос» Христиана Гюйгенса³⁷, которые способствовали распространению коперниканской гелиоцентрической системы, «География генеральная» Варениуса (1718), «Земноводного круга краткое описание...» Иоанна Гюбнера (1719), популяризовавшее астрономические взгляды Тихо Браге³⁸. Относительно последней Яков Брюс доносил царю в ноябре 1716 г., что «зело потребно будет всякому человеку ко знанию всех государств, также законов, обычаев и соседей их»³⁹.

Образование и издательское дело служили распространению общих географических понятий в России, по меньшей мере среди меньшинства — образованной элиты. Но эти понятия требовали знания России, что остро ощущалось правительством, реформаторская деятельность которого требовала верной и систематической информации⁴⁰. Поэтому, как все другие европейские государства, петровская Россия старалась наладить сбор разнообразных статистических данных, в том числе картографические данные. Эта деятельность по изучению географического пространства, затрагивавшая географию, статистику, демографию, экономику и другие социальные науки, сформировала базис для географического описания и съемки государства. Помимо описанной картографической работы, петровское правительство проводило систематическую съемку лесных ресурсов (1703), собирало информацию от губернаторов о купцах и торговой деятельности (1718), подробные сведения о фабричном производстве (1719), материалы по городам, стимулировало и координировало поиск полезных ископаемых, начало первую перепись населения в связи с новым подушным налогом (1718), ввело церковную регистрацию рождений, браков и смертей (1721). Цели были общими для европейских государств того периода: внутренняя безопасность, налогообложение, перепись населения для несения рекрутской повинности и т. д.⁴¹ В России такие усилия слишком часто наталкивались на лень, беспечность и недостаточное образование официальных лиц, а также на скудное финансирование. Некоторые идеи, вроде подробной земельной съемки и переписи имущества, были осуществлены значительно позже. Но к концу царствования Петра государство владело гораздо большей информацией о своей территории и ресурсах, чем раньше.

Интерес к известной территории сопровождался изучением неизвестной. Географическое исследование окраин имело давнюю традицию в стране, территория которой росла несколько веков. В начале петровского правления продолжалась деятельность *ad hoc*, свойственная прошлым царствованиям. Экспедиция Атласова на Камчатку (1697–1699) была похожа на последующие путешествия на Курильские и Командорские острова и в районы Северного Ледовитого океана. Но впоследствии правительство стало снаряжать экспедиции с более определенной

37 Историю перевода и первой публикации «Космотеороса» осветил В. С. Кирсанов. — *Прим. перев.*

38 «Kosmotheoros» опубликована как: Книга мировоззрения, или Мнение о небесно-земных глобусах. СПб, 1717. «Geographia Generalis» — как География генеральная. М., 1718; *Hübner J.* Kurze Fragen aus der neuen und alten Geographic. Leipzig, 1696 — как Земноводного круга краткое описание. М., 1719.

39 *Лебедев Д. М.* Указ. соч. С. 343. Другие переводы этого периода включали: *Burnet T.* The Theory of the Earth. London, 1684.

40 *Птуха М.* Очерки по истории статистики XVI–XVIII веков. М., 1945.

41 Другие европейские страны также вели такую деятельность, см., например *Livingstone D.* Op. cit. P. 88–92; *Mykkanen Z.* Op. cit.; *Raeff M.* Op. cit.; *Giddens A.* The Nation State and Violence. Cambridge, 1985. P. 83ff и др.

целью, будь то стратегическая, картографическая или научная. Примерами могут служить экспедиции Бековича-Черкасского и Кожина в Центральную Азию (с 1714), Лужина и Евреинова на Курилы (с 1718) и Лихарева к верховьям Иртыша (с 1718).

Эти и другие экспедиции дали много ценных сведений о районах за пределами империи. Значительно больший размах имела экспедиция уроженца Данцига медика Д. Мессершмидта. В 1720 г. он был направлен царем в Сибирь с обширным заданием исследовать ее географию, естественную историю, лекарственные растения и их ресурсы, этнографию, древности и др. Работа продолжалась до 1727 г. Было собрано громадное количество данных и экспонатов для музея в Петербурге. Хотя многие письменные материалы Мессершмидта до недавнего времени оставались неопубликованными⁴², экспедиция была большой вехой в русских научных исследованиях. За ней последовала Первая Камчатская экспедиция под руководством датчанина В. Беринга. Она была напутствована Петром в конце 1724 г., за несколько недель до его смерти. Беринг обнаружил пролив, разделяющий Азию и Северную Америку⁴³.

Петр и его сподвижники стремились создать полный географический обзор Российского государства, включающий карты и описания. Это было необходимо для многих целей. В 1699 г. Петр поручил поляку или белорусу Копиевскому, живущему в Амстердаме, написать нечто вроде экономической энциклопедии России с региональным уклоном. Этот проект не был выполнен. Позже такое задание было дано Брюсу, а затем, около 1719 г. — Татищеву, служившему под его началом. Татищеву помешали недостаток информации и другие обязанности, хотя позднее он написал ряд значительных географических работ⁴⁴. Наверное, под влиянием Брюса и Татищева в 1724 г. Сенат распространил анкету для сбора сведений о природе, естественных ресурсах, истории и др. Некоторые ответы использованы И. К. Кириловым, закончившим свой труд «Цветущее состояние Всероссийского государства...» в 1727 г.⁴⁵ Это была первая попытка географического и статистического обзора России, но она оказалась слишком неполной для исчерпывающего обзора.

Значение географии для петровской России

Петр Великий был самодержцем, и его политика несла отпечаток его личности. Поэтому уместно вкратце коснуться личных географических интересов Петра, прежде чем перейти к роли географической деятельности для его реформ.

Как уже говорилось, образование Петра в современном смысле было ограниченным, и его подход к обучению, особенно вначале, был прагматическим. Но он обладал пытливым умом и вместе с образованными современниками восторгался открытиями своего времени. Петр, в отличие от своих предков, постоянно путешествовал по России и за границей. Его географические интересы стимулировались широкими горизонтами Возрождения и распространенностью в Западной Европе, а может быть и в России, книг и карт, говорящих о существовании этого

42 *Messerschmidt D.-G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1727.* Berlin, 1962–1968. Ed. 1–4 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 8. Th. 1–4).

43 Некоторые связанные с этим вопросы изучены в: *Fisher R. H. Bering's Voyages: Whither and Why.* London, 1977.

44 *Татищев В. М. Избранные труды по географии России.* М., 1950.

45 *Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства.* М., 1977.

нового мира. Эти интересы также питала любовь к кораблям и мореплаванию, любовь, о которой он говорил герцогине Софье Ганноверской в 1697 г.⁴⁶ и о которой свидетельствуют детские опыты Петра и его отношение к военному флоту. Как пишет Андерсон, «всю его взрослую жизнь флот был его величайшей страстью, величайшим и единственным фокусом его надежд»⁴⁷. Уже упоминались интерес царя к гидрологическим съемкам и картам и его вероятное участие в некоторых таких работах.

Петр встречался и переписывался с выдающимися зарубежными географами Н. Витсенем и Г. Делилем и обсуждал с ними различные проблемы картографии. Впоследствии он пригласил Ж. Н. Делиля, астронома и географа, в Академию наук. Сам он собрал много книг, атласов и карт. Согласно Луппову⁴⁸, после смерти Петра осталась личная библиотека из 1621 книги, 1351 карты и других графических материалов. Из них 143 книги (8,8%) — по географии, космографии и атласы. Больше книг было только по религии (28,2%, многие, несомненно, унаследованы им от предшественников), морскому и военному делу (22,7%), истории и геральдике (9,2%). О географических интересах Петра свидетельствует то, что он просматривал черновой вариант перевода «Географии» Варениуса и, неудовлетворенный некоторыми местами, требовал поправок⁴⁹.

Не будет, пожалуй, слишком смелым предположение, что «пространственное мышление» влияло на политику Петра и что оно было связано с его интересом к географии. Вероятно, наиболее выразительный пример — основание Петербурга на недавно завоеванном побережье Финского залива. Петр решил, что новый город будет спланирован в голландском стиле⁵⁰, будто облик города «как в Голландии» воссоздавал в России Голландию, которой он так восхищался. В сознании Петра географическое пространство, разделяющее «западнический» Петербург и обращенную внутрь России Москву, символизировало формируемый им социальный и исторический разрыв между прогрессивной, современной Россией и удушающей атмосферой средневековой столицы.

Каковы бы ни были идеи Петра о модернизации, он выразил свою политику как стремление «к славе и чести Отечества»⁵¹. Выше описывались основные сферы географической деятельности, характеризовавшие его царствование. Осталось сказать, как эта деятельность способствовала «славе и чести», которых искал Петр.

Точные мотивы Петра относительно войн с Турцией и Швецией не могут быть определены с уверенностью. Конечно, на царя влияли стратегические (и поэтому пространственные) соображения: считалось, что доступ к Черному и Балтийскому морям дает России преимущество с точки зрения безопасности, торговли и контактов с Европой и внешним миром⁵². Для достижения этого были задействованы географические методы: съемка, картографирование и описание считались необходимыми для проведения военных операций, управления покоренными землями (отсюда картирование балтийских областей и границы с Финляндией после 1721 г.) и безопасности доступа к морю и приграничным районам (съемка и картографиро-

46 A Source Book for Russian History from Early Times to 1917. New Haven, 1972. Vol. 2. P. 314.

47 Anderson J. Op. cit. P. 88.

48 Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVII века. Л., 1973. С. 170.

49 Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 354.

50 Hughes L. The West comes to Russian architecture // Dukes. Op. cit. P. 34.

51 Anderson J. Op. cit. P. 147.

52 Anisimov E. Op. cit. P. 16, 45, 53. Здесь автор утверждает, что в намерения Петра входило получение доступа к Азовскому, Черному и Балтийскому морям.

вание южных побережий и берегов Балтийского моря). Официально требовалось пользоваться удобным случаем и готовиться к будущему. Посольство Украинцева в Порте в 1699–1700 гг. позаботилось о съемке и Босфора, и Южного берега Крыма, далеко за границами России. Это положило начало карте Черного моря (1700).

Стремление к оживлению торговли и получению доступа к ресурсам было первоочередным мотивом многих экспедиций, отправленных Петром. Он унаследовал интерес к Каспийскому морю от своего отца, искавшего торговые пути на Восток. Сам Петр отправил посольства в Индию (1697) и Персию (1715) и, как уже говорилось, послал Бековича-Черкасского на Каспий и в Центральную Азию (1714–1716), что отчасти объясняется слухами о запасах золота в этом районе. Изучение Каспийского моря началось с безуспешной съемки датчанина Скелькирупа в 1699 г. и продолжилось после царствования Петра. Гравированная карта внутреннего моря, выполненная в 1720 г., через год произвела сенсацию на заседании Парижской академии, где она была представлена библиотекарем Петра Шумахером. Примечательно, что основная часть моря лежит за пределами территории России. Такие же мотивы подкрепляли картографирование Северо-Восточной Азии и близлежащих морей.

Следовательно, как часто случалось в истории, географический интерес и деятельность шли рука об руку с «империализмом». Иными словами, желание модернизировать и усилить государство питало решимость получить доступ к новым ресурсам и территориям; отсюда интерес к Центральной Азии, к поиску путей в Индию, Китай. Примеры этого можно найти в фантастической, но бесплодной экспедиции на Мадагаскар (1723), имевшей целью проложить новый путь в Индию, экспедициях для покорения центрально-азиатских ханств Хивы и Бухары (с 1714), одна из которых погибла в Хиве. В Центральную Азию из Сибири отправлены были четыре экспедиции (1714–1722), давшие первые сведения о географии и истории калмыцких земель, в том числе и карту; предпринималась и попытка подчинить калмыков (1722). Известно и посольство Волынского в Персии, приведшее к торговому соглашению и в конце концов к войне за западное и южное побережья Каспийского моря (1722–1723). Монголия и Китай были целью нескольких миссий и посольств, собравших ценную географическую и торговую информацию, а экспедиция Лужина—Евреинова получила секретные указания царя о съемке берегов Курил и, по возможности, Японии⁵³.

Политика военного строительства, индустриализации и разработки ресурсов стимулировала интерес к статистике и картографированию внутренних областей России. Необходимость во внутренней безопасности и эффективном управлении, очевидная после военного мятежа в Астрахани в 1705–1706 гг. и казачьего восстания Булавина на Дону в 1707–1708 гг., была связана с аналогичными географическими проблемами. Другие насущные запросы включали увеличение потребности в рекрутах (рекрутская повинность введена в 1705 г.) и в деньгах. Чтобы решить их, в 1707 и 1719 гг. (с некоторыми изменениями в этом промежутке) Петр приступил к реформам административно-территориального деления. Реформам препятствовал недостаток подробных карт, хотя имелась некоторая географическая информация (о расстоянии между административными центрами, установленными указом)⁵⁴. Расстояния были ключевым фактором в определении административных границ. Карты теперь рассматривались как жизненно важный документ для уп-

53 *Лебедев Д. М.* Указ. соч. С. 144.

54 Там же. С. 300–302.

равления на всех уровнях. Как сказано в «Генеральном регламенте» 1720 г., в коллегиях (предшественники министерств) центрального правительства:

и дабы каждый коллегимум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получить мог, того ради надлежит в каждой Коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты (или чертежи) ... имянно описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и протчая⁵⁵.

Административные реформы означали более эффективный контроль над территорией.

Географическое сознание, желание ответить на вызов пространства были прищипки политике реформ. Иными словами, география поднялась с подъемом сильного государства. Петр был первым русским монархом, видевшим свою роль как службу стране или, по выражению его «идеолога» Феофана Прокоповича, как заботу «о добре общем народа». Раев описывает это явление, характерное для европейского абсолютизма, как «хорошо управляемое полицейское государство»⁵⁶. Мы считаем, что этот проект по необходимости был географичен. Петровская политика государственного строительства неизмеримо подняла уровень географического понимания и сформировала потребность в решении специфически географических проблем.

Однако географические предприятия при Петре не были ориентированы на государственное строительство в узкоутилитарном смысле. С победами в войне и ростом чувства безопасности царь все больше осознавал, что наука сама по себе может способствовать силе и славе его государства. Во время визита в Парижскую академию наук в 1717 г. Петр встретился с некоторыми выдающимися академиками, включая Г. Делиля — географа, с которым он обсудил проблему картографирования России. Делиль побудил Петра послать экспедицию в Северо-Восточную Азию, чтобы определить, связана ли Азия перешейком с Северной Америкой. Как мы видели, эти обоснования принесли плоды в виде экспедиций Мессершмидта и Беринга⁵⁷. Тогда же Петр был принят в члены Парижской академии, что немало ему польстило. Вусинич показал, как в более поздние годы Петр искал признания в качестве покровителя наук, и что его покровительство географическим экспедициям и картографии оказалось особенно значительным:

Важно ... что он подчеркивал политическую роль науки больше, чем экономическую, и что он выбрал географию в качестве зеркала научных достижений России. Это был самый логичный выбор. Эмпирическая сущность географии вероятнее всего могла привлечь внимание растущего числа западных ученых,

55 Гнучева В. Ф. Указ. соч. С. 20.

56 Raeff M. Op. cit. P. 204.

57 Фишер (указ. соч.) опаривает взгляд на цель путешествия Беринга, называемый им традиционным, а именно: что экспедиция была предпринята, чтобы установить, связана ли Азия перешейком с Америкой. Он утверждает, что его главной целью была рекогносцировка побережья Америки для ее возможного присоединения. Но мы не видим противоречия между этими двумя целями. Петр был заинтересован в создании для России репутации современной европейской державы, что означало поощрение науки и публикацию достижений. И как другие европейские правители того времени, он искал возможности распространения своей власти где только возможно. Нам представляется анахронизмом и точка зрения, что путешествие Беринга было чисто научным, и противоположная точка зрения, что наука была предлогом для некоей более низменной цели.

заинтересованных в сборе новых данных об экзотических и малоизвестных странах и народах⁵⁸.

К 1720-м гг. достижения России в картографии и географических исследованиях привлекли международное внимание⁵⁹.

В конце царствования Петра его покровительство науке приняло конкретную форму, выразившись в учреждении Петербургской академии наук. В этом среди многих на царя повлиял немецкий философ Лейбниц, с которым Петр начал переписываться в 1697 г. Лейбниц был защитником науки, верящим в единство научного знания, основанное на математике и логике, и придерживавшимся мнения, что рост знания направлен к прославлению Бога⁶⁰. Будучи ведущей фигурой при учреждении Берлинской академии в 1700 г., Лейбниц считал, что Россия особенно важна для распространения христианства и рациональности, а также как связующее звено с Востоком. Россия рассматривалась также как большой потенциальный источник научных сведений. Лейбниц побуждал Петра открыть Россию для научного исследования. В записке в адрес государственного деятеля П. П. Шафирова в 1716 г. он убеждал, помимо прочего, увеличивать географические знания, систематически обследовать растения, животный мир и минеральные руды России и ее южных соседей и переводить на русский язык научную и техническую литературу⁶¹. В детальном планировании работы Академии и наборе ее сотрудников участвовал ученик Лейбница, Христиан Вольф. Когда в 1725 г., сразу после смерти Петра, Академия открылась, география и навигация были объединены в одном из трех классов специализации вместе с теоретической математикой, астрономией и механикой⁶². Как уже отмечалось, кафедру астрономии и географии возглавлял Ж. Н. Делиль, который вместе со своими коллегами внес большой вклад в картографирование России.

Следовательно, для Петра ценность науки заключалась не только в том практическом вкладе, который она могла внести, но и в пропагандистском. Об этом говорит речь царя, которую он произнес в 1719 г. при спуске на воду военного судна. По этому случаю он провозгласил, что как однажды науки покинули свою колыбель в Греции, так они

оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продержатся несколько веков у нас и затем возвратятся в истинное

58 *Vuchinich A. Science in Russian Culture. London, 1963. P. 60.*

59 Так, демонстрация Шумахером на заседании Парижской академии наук карты Каспийского моря, о чем говорилось выше, была призвана повысить репутацию российской картографии. Вусинич (op. cit., p. 60) отмечает, как экспедиции Беринга и Мессершмидта способствовали интересу к России в Европе, особенно после публикации книги: *Strahlenberg P. Das Nord-und Ostliche Theil von Europe und Asia. Stockholm, 1730.* Страленберг был пленным шведом, принимавшим участие в экспедиции Мессершмидта, он использовал часть экспедиционного материала для своей книги и карты, которая известна как первое серьезное исследование Сибири.

60 *Ross G. M. Leibnitz. Oxford, 1984. Aiton A. J. Leibnitz: A Biography. Bristol, 1984; Vierhaus R. Germany in the Age of Absolutism. Cambridge, 1988. P. 70; McClellan J. E. Science Reorganized: Scientific Societies in the Eighteenth Century. New York, 1985. P. 55, 68–72, 75; Vuchinich A. Op. cit. P. 43–48, 60.*

61 *Ibid. P. 47.*

62 *Александровская О. А. Указ. соч. С. 131.* Второй класс включал теоретическую и экспериментальную физику, анатомию, химию и ботанику, а третий — гуманитарный — историю, риторiku, право и этику.

отечество свое — в Грецию. Покамест советую вам помнить латинскую поговорку *Ora et Labora* (молись и трудись) ... может быть, еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую ступень славу русского имени⁶³.

Географические достижения играли свою роль в этом прославлении. К концу царствования первые плоды принесли усилия по составлению подробного регионального обследования. В 1727 г. И. К. Кирилов завершил «Цветущее состояние Всероссийского государства»⁶⁴, первое всеобщее описание регионов России. Обзор был по существу региональным сводом официальной информации, топографических фактов и статистики, справочником для практических нужд и для официальных лиц, хотя не без интересных исторических отступлений. По большей части текст и таблицы сопровождаются минимумом авторского комментария и анализа. Как доказала группа современных российских ученых, Кирилов

полагал, что огромный конкретный материал (в книге. — *Д. Ш.*), характеризующий успехи России в самых различных областях хозяйства, будет впечатляющ и выразителен без его пространных рассуждений⁶⁵.

Явно пропагандистское название книги Кирилова может быть более поздним украшением, но это, несомненно, то, что понравилось бы самому Петру.

Заключение

В данной работе показано, что географические теория и практика (если использовать термин «география» в широком смысле, как научное и практическое взаимодействие с географическим пространством) были существенны для петровского государственного строительства, для его политики модернизации и реформ, которая не только порывала с византийской традицией, но заимствовала и применяла последние иностранные идеи в съемке, картографии, навигации, региональных исследованиях и статистике. Это означало открытие для России множества понятий из мира Ренессанса и Постренессанса. Географические начинания усилили военную действенность петровского государства, способствовали развитию имперского мировоззрения, повысили внутреннюю безопасность, административную эффективность, помогли расцвету коммерции, подняли репутацию науки и в итоге — прославили государство. В короткий срок Петр заложил основы академической географии, относительно которой он сам мог иметь лишь самые смутные представления.

Основные географические работы, характеризующие правление Петра, имели параллели в Европе. Картографирование, статистическое обследование, экспедиционные исследования, региональные описания, географическое образование и распространение соответствующей литературы — все это было в европейских странах, соперничающих, опасаящихся друг друга. Но Россия имела свои особенности. У нее не было ни традиции географического письма или картографии, ни сообщества географов. В петровское время большинство инициатив исходило от

63 *Lewitter L.* Op. cit. P. 95. Цит. по: *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М., 1996. С. 636–637.

64 Редколлегия издания 1977 г. полагает, что заглавие работы могло быть дано при ее переписке спустя несколько лет после завершения работы самим Кириловым (*Кирилов И. К.* Указ. соч. С. 18–19).

65 Там же. С. 23–24.

государства. Вероятно, более, чем в любой другой европейской стране того времени, география была привязана к практическим и политическим нуждам правительства, была инструментом в руках «великого реформатора». По самой своей природе география была чужда русской традиции, была частью той, другой, светской религии, которой петровские реформы будоражили Россию⁶⁶.

Наконец, к какой географии вела вся эта деятельность? Ответ можно найти в упомянутой книге Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства». Значительно в этой книге не только то, что описывает Кирилов⁶⁷, но и то, что он не описывает: деревню, где огромное большинство русских жило и трудилось, будучи крепостными, нерусские народы (с некоторыми исключениями), неправославных (тоже с некоторыми исключениями) и множество людей, сопротивлявшихся петровской политике. География Кирилова, можно сказать, — официальная география, география власти, метода, которым Петр Великий изменил Россию. Мы читаем у Кирилова действительно впечатляющие вещи о том, чем Россия официально стала к 1727 г. Но о чем мы не можем здесь узнать, так это о неудачах петровской политики и о множестве страданий, вызванных ею. Сам Петр, конечно, знал о некоторых трудностях и о многих случаях сопротивления, с которыми сталкивалась его политика. Но ни он, ни его сподвижники не были заинтересованы в их разглашении⁶⁸. Лишь позже, в XVIII в., появились русские, которые составили иные труды. Петровская география во время ее написания была по существу географией успеха⁶⁹.

Благодарю доктора наук Линдсей Хьюс (Lindsey Hughes), профессора Чарльза Витерса (Charles Withers) и двух анонимных рецензентов за отзывы на предварительную версию этой работы и библиографические замечания.

Перевод с английского А. Э. Каримова и И. В. Москалевой

66 Boss V. *Newton and Russia: The Early Influence 1698–1796*. Cambridge, 1972. P. 5–6.

67 См. прим. 64.

68 Вусинич (op. cit., p. 64–65) пишет, что труд И. Посошкова «Книга о богатстве и нищете», законченный в 1724 г., но опубликованный только в 1842 г. с цензурными изменениями, навлек на автора официальное неодобрение из-за его защиты социальных реформ, включая защиту крепостных от злоупотреблений помещиков. Эта работа рассматривается в: *A History of Russian Economic Thought: Ninth Through Eighteenth Centuries* / Ed. J. M. Letiche. Berkeley, 1964. P. 300–330; *Lewitter L. [Introduction] // Poshokov I. T. Book on Poverty and Wealth*. Stanford, 1987.

69 Это относится к работам Кирилова и Татищева — неустанных пропагандистов петровских реформ.